

Шошана Гельцер

Хайфа, Израиль

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДОКТОРА ЯКОВА ВЫГОДСКОГО

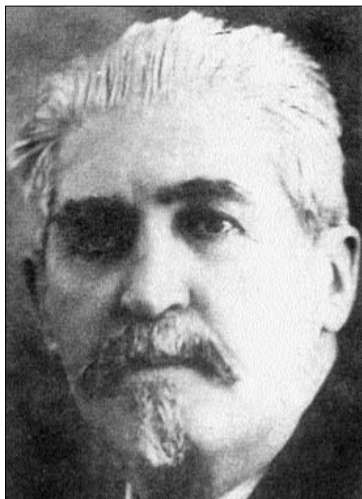
Уроженец Бобруйска, молодой врач, окончивший петербургскую военно-медицинскую академию, Яков Выгодский (1857—1941) в 1884 г. поселился в Вильне (ныне Вильнюс), городе, где в течение нескольких веков сформировалась еврейская община, которая с конца XIX в. до июня 1941 г. в разные годы насчитывала от 40 до 80 тыс. человек (если считать еврейское население всего Виленского края). В Вильне всегда находились люди, которые и хотели, и умели организовать жизнь этой общины согласно еврейским этическим нормам — взаимопомощи, помощи слабым, стремления к просвещению. Еврейская религия предписывает всегда бороться за человеческую жизнь, ибо в *Талмуде сказано: каждый человек — это целый мир. И в Вильне умели внимательно относиться к каждому человеку.

С конца XIX в. талантливый, красивый внешне, остроумный и приветливый доктор Яков Выгодский становится лидером виленского еврейства. Впоследствии руководителями виленских евреев стали также доктор Цемах Шабад (1864—1935) и раввин Ицхак Рубинштейн (1880—1945). Каждый из них был самоотверженным и талантливым деятелем. Обратим внимание на то, что доктор Ц. Шабад скончался до Второй мировой войны, а раввин И. Рубинштейн, когда гитлеровская Германия 1 сентября 1939 г. напала на Польшу и началась война, принесшая гибель трети еврейского народа, находился в США. Случилось так, что с началом войны Яков Выгодский, будучи уже в преклонном возрасте, действовал на свой страх и риск, как, впрочем, он поступал всю свою жизнь

Лидеры виленских евреев воспитывали людей личным примером. Доктор Яков Выгодский с самого начала своей деятельности и до последних дней жизни поступал по правилам: абсолютная честность, бескорыстие и стремление к знаниям. Подчеркнем, что он был врагом поверхности во всем — в медицине, в обыденной жизни, в понимании событий местного, междуна-

Яков Выгодский

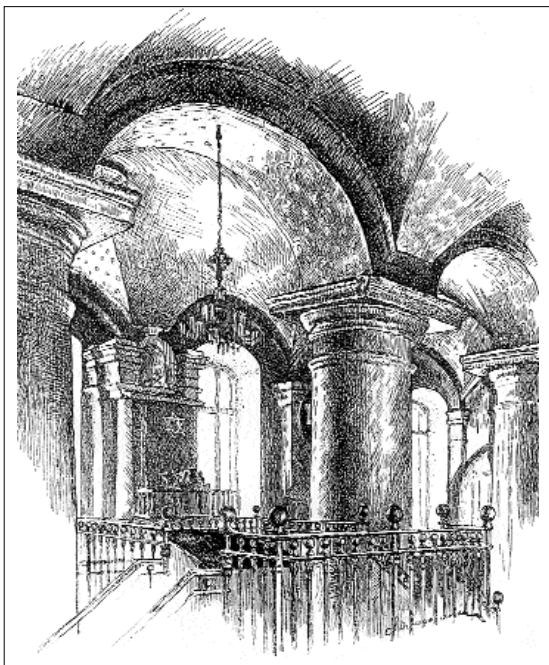
Цемах Шабад

родного и даже мирового масштаба. Он умел не только понимать, но и разяснять происходящее. Его девизом в жизни был *здравый смысл*, поэтому он еще в 1890 г. пришел к мысли, что евреи должны вернуть себе свое государство. Когда очень и очень многие считали, что «евреи — не нация», он, получивший в детстве традиционное еврейское воспитание, понимал, сколь опасен отход не только от еврейства вообще, но даже от части еврейского наследия, например от древнееврейского языка. Доктор Выгодский стал одним из первых деятелей *сионизма в последнее десятилетие XIX в. Когда в 1903 г. основоположник политического сионизма Теодор Герцль посетил Вильну, именно доктор Выгодский был во главе делегации евреев города, встретившей Герцля хлебом-солью¹.

Конечно, Я. Выгодский понимал, что переселение евреев на историческую родину — процесс сложный, болезненный, трудноосуществимый, но необходимый. Дело в том, что евреи могут любить те места, где они живут и где жили их предки, могут «врасти» в окружающую социальную среду, даже развивать культуру основной национальности страны проживания, но то, что основная национальность, как правило, не хочет принимать чужаков, доктор Выгодский понимал гораздо лучше многих других. В годы Первой мировой

войны ему приходилось спорить с евреями, служившими в германской армии (в 1916—1918 гг. Вильна была оккупирована немцами). Многие немецкие евреи не только утверждали, но и были абсолютно убеждены в том, что они являются «немцами Моисеева закона» и Германия — их единственная родина². Сам доктор Выгодский

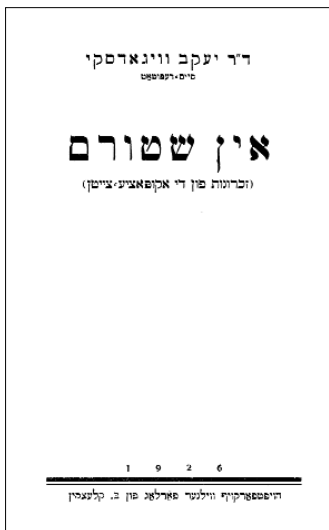
стал сионистом, будучи в царской России в привилегированном положении. При царе-реформаторе Александре II некоторые группы евреев получили больше прав и возможностей для учебы, работы и т. д. И Яков Выгодский, что в 60—70-е гг. XIX в. в России было редкостью, получил образование в первоклассном высшем учебном заведении, а впоследствии женился на дочери еврея — военного врача, который отличился в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Выгодские, несмотря на существование *черты осед-

Внутренний вид Старой синагоги в Вильне
Рисунок Л. Антокольского

лости, могли жить почти в любом месте Российской империи. Но молодой врач стремился быть со своим народом, для начала — в «Литовском Иерусалиме» — Вильне.

Образованный и постоянно пополнявший свои знания, Яков Выгодский понимал, что переселение евреев в крохотную Страну Израиля, бывшую тогда частью Турции, требует невероятных усилий, но он *никогда* не соглашался с теми, кто попросту отрицал сионизм (это были и коммунисты, и *Бунд, и *территориалисты — в общем, большинство еврейского народа). С другой стороны, ему, человеку демократических убеждений, были чужды понятия «ненависти», «беспощадной борьбы», которую вели после Октябрьской революции еврей-коммунисты и даже некоммунисты с евреями-сионистами. Выгодский ратовал за возможность наименее безболезненного претворения в жизнь сионистской идеи. Люди прежде всего должны оставаться живыми, но *национальное самосознание им следует иметь!* Еврейское же национальное самосознание требует немалых знаний. Я. Выгодский

Я. Выгодский. «В бурю (воспоминания о временах оккупации)» (Вильно, 1926 г. Титульный лист)

эпизод из августа 1914 г., когда началась война, ставшая Первой мировой, жестокой и страшной. В Вильне же — городе, где все всех знают, маршируют первые отряды мобилизованных юношей. Еврейские парни, увидев на улице доктора Выгодского, кричат ему: «Мы не подведем, не уроним чести граждан-евреев!» Об этом Я. Выгодский вспоминает в своей книге «В бурю» (1926 г.). Солдаты-евреи сражались не хуже других, но с 1915 г., после первых неудач царской армии, на евреев России — как на военнопленных, так и на гражданских лиц — обрушился шквал обвинений в шпионаже и диверсиях. Стали даже поговаривать о каких-то «передатчиках», якобы спрятанных в бородах религиозных евреев... Выгодский назвал такие нападки «государственной глупостью», а основой глупости считал невежество и нежелание знать *истину*... (К сожалению, мир меняется, но мировая тенденция к невежеству остается неизменной.) Я. Выгодский же поступал согласно *здравому смыслу*. Во-первых, он, как всегда, продолжал безотказно и бескорыстно лечить людей. В сумятице войны он своим неустанным трудом помогал организовать помощь обнищавшим виленчанам и оказавшимся в Вильне тысячам беженцев — всем, не только евреям. Но в те дни польское население Вильны требова-

прекрасно понимал, сколь трудна проблема внедрения истинного знания. Большинство людей на земном шаре и в наши дни к знаниям не тянутся. Наоборот, люди падки на броские лозунги, рекламу, бездумье. Даже образованные евреи не поняли, что сознательный отказ от части еврейского наследия означает отказ от всего этого наследия. (Я имею в виду отказ *«идишистов», бундовцев и тем более коммунистов от религии, древнееврейского языка и еврейской истории.) Если бы сионизм овладел еврейскими массами в 20-х гг. XX столетия, возможно, не было бы и Катастрофы Но история не признает сослагательного наклонения...³

Яков Выгодский, будучи образованным и умным человеком, хорошо понимал природу невежества и глупости на всех «уровнях». Вот, например,

Здание Виленской еврейской общины в центре города, где она располагалась еще в царское время

ло, чтобы *именно евреи* несли основную тяжесть наложенной на горожан германским оккупационным режимом контрибуции. Хлопоча перед немецким начальством об облегчении участи мирного населения, Яков Выгодский был смел и дерзок: когда немецкий комендант, требуя от жителей Вильны огромной контрибуции, заявил, что немецкая армия нуждается в снаряжении и продовольствии, Выгодский просто спросил: «Что же вы начали войну?» Немцы (во время Первой мировой войны они еще не были столь жестоки) сослали доктора (штатского человека) в лагерь для военнопленных, где он пробыл почти два года.

Яков Выгодский, ищущий и мудрый человек, превосходно разбирался в проблемах национальных групп, населявших город, — не даром с ним консультировались и поляки, и литовцы. Однако в сложных отношениях Литвы и Польши по поводу спорного города Вильно — Вильнюса он придерживался нейтралитета и в течение многих лет призывал еврейскую общину сохранять нейтральную позицию в этом вопросе и отстаивать свои человеческие, национальные и гражданские права⁴.

Якова Выгодского пригласили занять пост министра по еврейским делам в правительстве независимой Литвы, но для этого в начале 20-х гг. требовалось перебраться в Каунас, так как Вильнюс был отторгнут от Литвы польскими войсками. Я. Выгодский

Правление историко-этнографического общества (октябрь 1924 г.). Второй справа в первом ряду — Я. Выгодский

не захотел оставить Виленскую еврейскую общину, где к тому времени его называли *отцом-заступником*⁵. Он продолжал лечить и помогать всем, кто к нему обращался.

Население Вильно было по ряду причин чрезвычайно бедным. Польские власти стремились все более ухудшить жизнь евреев — и чтобы увеличить эмиграцию евреев из Польши, и чтобы угодить неевреям. Я. Выгодский неутомимо сражался за каждого человека. Например, если запретят бедным торговкам дерзкого лоток на одном из базаров, он добивался для них возможности торговать в другом — не худшем месте... Он умел «вытаскивать» молодых ребят, ищущих пути исправления мира, из тюрем, из неприятных ситуаций, даже когда не соглашался с устремлениями коммунистов.

Многие виленские евреи взирали на Советский Союз как на страну новой, невиданно прекрасной жизни и нелегально переходили советскую границу. Некоторые легально поехали в Биробиджан. Мы знаем, что многие из них стали полноправными гражданами СССР и были счастливы, многих репрессировали, но некоторые хотели вернуться в Польшу, а их польские власти не хотели пускать обратно. Я. Выгодский многим помог вернуться.

Следует отметить, что и доктор Выгодский, и доктор Шабад, и раввин Рубинштейн были депутатами от еврейства в польских

Печатные материалы, подготовленные к 70- и 80-летию юбилеям Я. Выгодского, и поздравления, поступившие в его адрес
 Из альбома «Литовский Иерусалим в иллюстрациях и документах»
 (Нью-Йорк, 1974 г.)

органах власти — как в городском управлении, так и в парламенте Польши.

Яков Выгодский не был антисоветчиком. Он считал, что в СССР имеются все возможности устройства жизни согласно *здравому смыслу*. В 1938 г. он вместе с супругой посетил Москву и Ленинград, где жили их дочь и сын. Советский Союз провозглашал прекрасные идеи. Нацизм в Германии угрожал всему миру, но прежде всего — еврейству. Доктор Выгодский стал председателем Антигитлеровского комитета в Вильно⁶. Вовремя остановить Гитлера мир не сумел, а может быть, не захотел... Европа, понемногу воюя (Испания), все же продолжала надеяться, что большая война не вспыхнет...

Город Вильно жил напряженно. Яков Выгодский всегда считал, что никакая «гуманитарная помощь» не может заменить стремления к труду и умения трудиться. Немало усилий он посвятил организации профессионального обучения не только в Вильно, но и в других городах Польши. Выгодский был замечательным публицистом. Он постоянно публиковал обстоятельные, убедительные статьи по насущным вопросам⁷, всегда участвовал в культурных мероприятиях в Вильно. Народ называл его *вечным оптимистом*. А местные и международные события оптимизма не внушали... Во всех областях жизни, во всех слоях населения так или иначе росли антисемитские настроения. В старом Виленском университете им. Стефана Батория, как он назывался в Польше, такие настроения особенно усилились. С середины 30-х гг. студенты-поляки (не все, конечно) требовали, чтобы евреи сидели на отдельных скамьях, которые уже тогда были ими названы «гетто»⁸. Но студенты-евреи не сдавались. Официально евреев гражданских прав в Польше никто не лишал. И еврейские юноши и девушки демонстративно слушали лекции стоя, но позади тех скамей, где сидели студенты-неевреи. Бывали и столкновения. Доктор Выгодский не раз шел впереди еврейских студентов⁹. Выдержка, сознание национального достоинства, национальной солидарности помогли десяткам еврейских студентов окончить университет. Еще раньше, в книге «В бурю», Яков Выгодский раскрыл природу еврейских погромов: толпа иногда жаждет разрядки. Возможно, что правительство, интеллигенция погромов не хотят, но боятся толпы и хотят толпе угодить¹⁰.

Началась Вторая мировая война. 1 сентября 1939 г. Гитлер напал на Польшу, заручившись договором со Сталиным. 17 сентября советские войска вошли в принадлежавшие Польше Западную Белоруссию, Западную Украину и Виленский край. Для евреев Красная армия была несравненно лучшей альтернативой,

чем нацистские войска. Но по договору, заключенному Советской Россией и Литовской Республикой еще в 1920 г., Вильнюс был признан исконной столицей Литвы (каковой он и является), и в 1939 г. Советский Союз торжественно возвратил Литве ее главный город. Правда, взамен СССР получил право иметь на территории тогда еще относительно независимой Литвы военные базы.

В октябре 1939 г. состоялось торжественное установление власти Литвы в Вильнюсе. В первые же дни новая власть уволила сотни поляков — государственных чиновников. Кроме того, в городе стало голодно и тревожно.

Как же отреагировало польское население на постигшие его невзгоды? Произошел еврейский погром. В один из дней конца октября 1939 г. толпа бросилась даже не грабить — просто громить еврейские лавки, мастерские, парикмахерские, бить стекла жилых домов. Были раненые, возможно, несколько убитых¹¹. Кто же остановил погром? Доктор Яков Выгодский! Старик взял свою трость и прошел пешком семь километров до баз Красной армии и убедил командование послать танки на улицы Вильнюса. На сей раз евреи были спасены.

Необычайно холодной зимой 1939—1940 гг. уже очень пожилой доктор Выгодский оставался тем же, кем был всю жизнь, — другом людей и помогал *дейтельно и разумно* как местным жителям, так и беженцам из Польши, которых в городе оказалось немало. Хороший контакт установился у него со всеми еврейскими общинами Литвы¹².

Советизацию Литвы в июне — июле 1940 г. Яков Выгодский воспринял как естественное по тем временам развитие событий. Большая часть населения Литвы ожидала перемен к лучшему. Большинство евреев Вильнюса встретили советскую власть с энтузиазмом и надеждой. Старый доктор мог теперь свободно видеться со своими детьми, жившими в СССР. Однако быстрая ликвидация большинства еврейских учреждений очень его огор-

Обложка книги проф. И. Клаузнера «Вильна — Литовский Иерусалим. Последние поколения, 1881—1939», вышедшей в Израиле (1984 г.)

чала. Как вспоминал впоследствии в своей книге Марк Дворжецкий, Яков Выгодский в 1940 г. обратился к самому И. В. Сталину с просьбой «разрешить существование школ с преподаванием на *иврите на территориях Литвы и Польши, включенных в СССР»¹³. Я. Выгодский считал, что в неизбежности и логичности истинно еврейского воспитания можно и нужно убеждать.

Время становилось все более противоречивым. В июне 1940 г. Я. Выгодский еще опубликовал статью о своих просоветских воззрениях и деятельности, но есть свидетельства, что в личных беседах и выступлениях перед многочисленными слушателями он призывал быть готовыми к серьезным испытаниям¹⁴. Никто, однако, не мог в полной мере предвидеть, что вторая немецкая оккупация Вильнюса наступит так быстро и окажется такой ужасной.

Известно, что в Прибалтике и на Украине к моменту нападения нацистской Германии уже существовали группы литовцев, латышей, эстонцев, украинцев, подготовленные для уничтожения евреев¹⁵. В июне — июле 1941 г. тысячи евреев Литвы уже были убиты такими местными группами.

В один из дней начала июля 1941 г. Яков Выгодский пошел к немецкому начальству, чтобы на своем хорошем немецком языке спросить по-человечески: «Что же это такое?» Но если в 1916 г. с немцами еще можно было говорить по-человечески, в 1941 г. это уже были не люди. 84-летнего доктора они сбросили с лестницы... Старик побрел домой. Рассказывают, что какое-то время рядом с ним шел кто-то из немолодых польских интеллигентов. 28 июля 1941 г. доктор Выгодский был арестован нацистскими властями и брошен в переполненную тюремную камеру. От выживших бывших узников тюрьмы вся община знала, что, умирая в страшных муках, доктор Выгодский морально поддерживал окружающих: «Мы переживем их!»

Думаю, что Яков Выгодский вообще был самым пожилым героем борьбы с нацизмом и, бесспорно, первым, кто противостоял нацистам в Вильнюсе. Его подвиг — это подчеркивают многие — немало помог вильнюским евреям в борьбе за жизнь и человеческое достоинство в то страшное время.

Супруга доктора, тоже старушка, попала в гетто. Община, прежде всего врачи, как-то ее поддерживали, пока ее не убили нацисты.

Доктор Яков Выгодский, бесспорно, был выдающимся человеком, но до сих пор он не удостоился не только статьи в энциклопедиях, посвященных мировому еврейству. В *Encyclopaedia Judaica*, например, есть обширные статьи «Шабат Цемах», «Рубин-

штейн Ицхак», а «Выгодский Яков» — нет... Не будем гадать, почему это так, почему нет статьи, посвященной Выгодскому, ни в Краткой еврейской энциклопедии, издание которой завершается в Иерусалиме¹⁶, ни в издающейся в Москве Российской еврейской энциклопедии (тома, посвященные выдающимся евреям). Впрочем, в Российской еврейской энциклопедии имя Выгодского упоминается — правда, в качестве деда выдающегося советского балетмейстера Надежды Сергеевны Надеждиной (1908—1979) — организатора и руководителя (в 1948—1979 гг.) хореографического ансамбля «Березка», своим искусством покорившего миллионы людей во всем мире.

Александра Бруштейн

В свое время чета Выгодских выдала свою дочь Александру за молодого врача Сергея Бруштейна, жившего в Петербурге. В 1926 г. доктор Выгодский посвятил книгу «В бурю» своим детям — дочери Александре, сыну Шимону и зятю Сергею. Напомним, что и Яков Выгодский, и его супруга были тесно связаны с петербургской еврейской интеллигенцией, особенно врачебной. В начале XX столетия доктору Выгодскому представлялось, что и дочь, и сын наилучшее образование получают именно в России. Сионизму доктора Выгодского это не противоречило. Так оно и вышло. Сын стал инженером, дочь — филологом, педагогом, писательницей. И мужа судьба дала Александре под стать ее отцу, под стать ей самой — неутомимого труженика. Супруги Бруштейн годами неустанно, последовательно, со знанием дела и энтузиазмом создавали учебные и лечебные учреждения. Можно предположить, что сталинские репрессии их не коснулись потому, что они не стремились к «карьере», никому «не переходили дорогу». А пьесы Александры Бруштейн не сходили со сцен во всем СССР, искренние, человечные — *настоящие*...

Советская писательница Александра Бруштейн до конца жизни корила себя за то, что заблаговременно не забрала престарелых родителей к себе в Москву¹⁷, но кто мог знать, что все обернется так, как это случилось в 1941 г.?

Лучший памятник Якову Выгодскому создала его дочь — Александра Яковлевна Бруштейн. Уже будучи весьма немолодой, она сумела написать и добиться издания своих книг «Дорога

А. Бруштейн «Дорога уходит в даль...». (Москва, 1964 г. Разворот титульного листа)

уходит в даль...» (1956), «В рассветный час» (1958) и «Весна» (1961) — эти книги составили автобиографическую трилогию. По отдельности и вместе они были изданы в СССР несколько раз в конце 50-х — 60-е гг.

Искренность, честность, интеллигентность, любовь к жизни и стремление к пониманию происходящего... Как много есть биографий и автобиографий либо открыто антигуманных, либо лживых, выдающих чудовище за святого. Но кто помнит человеко-навистнические книжки, если этот «помнящий» сам не намерен кого-то уничтожать? (Например, современный нацист, читающий «Майн камф» Гитлера. Это же ведь тоже *автобиография!*)

Небольшой экспресс-опрос, который я провела, показал, что те, кто читал автобиографическую трилогию Александры Бруштейн, не только хорошо помнят сюжет этих книг, но и те добрые чувства, которые они пробуждают в людях. В отличие от тысяч книг надуманных, скучных, равнодушных, а потому лживых, книги искренние, выстраданные выдерживают испытание временем.

Следует отметить, что ни Александра Бруштейн, ни даже Надежда Надеждина, воистину создавшие нечто весьма весомое в русской культуре, при всей их глубокой связи с Россией и русским языком и культурой никогда не забывали, что принадлежат к еврейскому народу и очень хорошо разбирались в особенностях жизни евреев в России. Они знали, что евреи могут многое

создать, живя среди других народов и для блага этих народов — уже в силу вековых традиций воспитания и своей тяги к образованию. Но они также понимали, что существуют границы, которые евреи не должны переступать...

Ориентация в меняющемся мире, чувство меры были свойственны Якову Выгодскому в большей степени, чем многим другим людям его поколения. Мировоззрение и деятельность этого замечательного человека сопоставимы с деятельностью всемирно известных русских интеллигентов второй половины XX в. — академиков А. Д. Сахарова и Д. С. Лихачева. Истинным интеллигентом был и доктор Яков Выгодский — еврей, постигший мировую культуру. Его жизнь достойна изучения и подражания¹⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Дворжецкий М.* Иерушалаим д'Лита ин камф ун умкум. Париж, 1948. З. 47. (Литовский Иерусалим в борьбе и гибели. На идише).

² *Выгодский Я.* Ин штурм. Вильно, 1926. (В бую. На идише). С. 44—46.

³ *Клаузер И.* Вильна — Иерушалаим д'Лита: Дорот ахароним, 1881—1939. [Б. м.], 1984. (Вильна — Литовский Иерусалим: Последние поколения, 1888—1939 гг.) См. алфавитный указатель, где ссылка на имя Я. Выгодского повторяется многократно.

⁴ Там же. С. 388—445.

⁵ Там же. С. 470—650; см. также: *Дворжецкий М.* Указ. соч. С. 48—49.

⁶ Когда нацисты 24 июня 1941 г. оккупировали Вильнюс, они вскоре потребовали, чтобы евреи избрали «юденрат» — еврейский совет. Еще не понимая, что нацисты обрекли евреев на полное уничтожение, что им нет дела до взглядов и общественной деятельности того или иного еврея, еврейская общественность Вильнюса не выдвинула кандидатуру доктора Выгодского в «новый орган управления», боясь, что ему повредит то, что он в недавнем прошлом был организатором антифашистского комитета. Об этом рассказывается в нескольких книгах о нацистской оккупации Вильнюса (см., напр.: *Arad Y. Ghetto in flames: The struggle and destruction of the Jews in Vilna in the Holocaust.* N. Y., 1982. P. 59). (См. также: *Шур Г.* Евреи Вильно: Хроника, 1941—1944 гг. Спб., 2000. — *Ред.*) Но вскоре Я. Выгодский был включен в «юденрат» и несколько дней поддерживал и ободрял коллег, вынужденных собирать наложенную гитлеровцами контрибуцию (*Arad Y. Op. cit.* P. 96—98).

⁷ Достаточно пролистать цитируемую выше книгу Израэля Клаузнера, где он ссылается на десятки статей, написанных Я. Выгодским. См. также: *Левин Д.* Ткуфа бэ саграим, 1939—1941. [Б. м.], 1989. С. 141. (Евреи на территориях, аннексированных Советским Союзом. На иврите).

⁸ Слово «гетто» еще в средние века стало повсеместно обозначать городской район, где проживали только евреи, — по названию такого района в тогдашнем центре международной торговли — Венеции.

⁹ *Клаузер И.* Указ. соч.

¹⁰ *Выгодский Я.* Указ. соч. С. 288—309.

¹¹ См.: *Arad Y. Op. cit.* P. 9—14, где автор более подробно, чем где бы то ни было, описывает беспорядки и погромы в Вильнюсе в конце октября 1939 г., а так-

же события там ноября 1939 г. и последующих месяцев. Евреи стали добиваться права на самооборону, ношение оружия и в духе наставлений доктора Выгодского провозглашали нейтралитет еврейской общины по отношению к польско-литовским разногласиям. Этот погром хорошо запечатлился и в моей памяти. Мне было всего семь лет. Отец прибежал за мной в школу. Еще несколько родителей с детьми возвращались домой по чердакам. Мой отец был народным детским врачом и знал все ходы-выходы, обычно известные простому народу.

¹² См.: Arad Y. Op. cit. P. 17—18.

¹³ Дворжецкий М. Указ. соч. С. 49. Возможно, что этого письма Сталину не было, но в одной из своих последних статей — передовице в газете «Вилнэр тогблат» («Виленский ежедневный листок»; на идише) за 2 июля 1940 г., озаглавленной «Взаимоотношения между Советским Союзом, Литвой и евреями», Я. Выгодский напомнил, что всегда был настроен просоветски и что две его книги и ряд статей, посвященных Советскому Союзу, были в разные годы запрещены польской цензурой и не опубликованы.

¹⁴ См. ст. Й. Фридлянда «Похороны раввина Хаима Эзера Гродзенского» в кн.: Маэсэф Вильна = Вилнэр замлбух. Тель-Авив, 1974. С. 43—44. (Виленский сборник. На иврите и идише). Раввин скончался 11 августа 1940 г. Единственная газета для евреев, которая к тому времени оставалась в Вильнюсе, «Вилнэр эмэс» («Виленская правда»), согласилась напечатать объявление о кончине выдающегося еврея, только если его имя будет написано фонетически (т. е. с обозначением гласных звуков, как это характерно для письменности языка *идиш, а не для традиционного еврейского консонантного письма, где обозначаются только согласные звуки. — *Ред.*). Виленские евреи сочли безграмотное написание исконных еврейских имен оскорблением памяти покойного и развели несколько рукописных объявлений от имени местного раввина (фактически уже расформированного). Во время похорон раввина Я. Выгодский произнес речь перед собравшимися в виленской Большой синагоге: «Мы стоим сегодня у гроба нашего великого раввина и кладем могильный камень на великолепную, богатую еврейскую жизнь в нашем городе. Кончина Хаима Эзера символизирует конец наших междоусобиц, которые долгие годы происходили внутри общины между *гаоном и *хасидами, между *харедим* (ультрорелигиозными. — *Ш. Г.*) и сторонниками светского просвещения (**маскилим*), между *митболелим* (стремившимися к ассимиляции. — *Ш. Г.*) и сионистами, между сионистами и Бундом, между ивритом и идишем. Все виды борьбы были войной еврейства с самим собой либо борьбой с неевреями и были борьбой за выживание и духовную жизнь. Сегодня завершается эта война».

¹⁵ Одно из множества свидетельств: «Черная книга» — сборник материалов, показаний очевидцев и документов об уничтожении нацистами евреев на территории Советского Союза и Польши, составленный под редакцией Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга (Вильнюс, 1993. С. 217—218).

¹⁶ В дополнении к Краткой еврейской энциклопедии Яков Выгодский упоминается как отец русской писательницы Александры Бруштейн, «врач и еврейский общественный деятель, сионист. В 1929 г. был министром по еврейским делам Литовской Республики. С 1922 г. — член муниципалитета г. Вильно и депутат польского сейма. Автор мемуарных книг на идише — «Юнге йорн» («Молодые годы»), «Ин штурм» («В бурю», 1926), «Ин гиэнем» («В аду», 1927), «Ин Самбатъен» («В реке *Самбатсион», 1931)» (Краткая еврейская энциклопедия: Доп. 2. Иерусалим, 1995. С. 245). — *Ред.*

¹⁷ Мне посчастливилось познакомиться и подружиться с Александрой Яковлевной Бруштейн (1884—1968), о чем я уже писала в книге своих воспоминаний

(см.: *Шошана бат Яков [Гельцер Ш.]* Еще одна: (7x9) плюс... Хайфа, 2000. С. 165). Здесь остановлюсь на этом подробнее. Дело было так. В 1956 г. вышла в свет первая часть автобиографической трилогии писательницы. Поскольку книга «Дорога уходит в даль...» не претендует на абсолютную документальность, Александра Яковлевна вывела в ней своего отца под фамилией Яновский. По названиям улиц, садов, парков я поняла, что действие книги происходит в Вильне, и тут же спросила у моего отца доктора Якова Фейгенберга, кто это — «доктор Яновский». «Не было такого», — ответил мне отец. А посмотрев на портрет Александры Яковлевны в книге, он воскликнул: «Ты знаешь, кто это? Это же дочь Выгодского. Одно лицо!» К Александре Бруштейн я пришла в июне 1956 г. что называется «с улицы». В Союзе писателей мне дали номер ее телефона. Я позвонила, и мне разрешили прийти в гости. Александра Яковлевна, которой было уже за 70, очень плохо видела и без слухового аппарата абсолютно не слышала. «Я не заменима при бомбежке!» — шутила необычайно остроумная писательница. Вместо звонка на ее телефоне загорелась лампочка, а слуховой аппарат помогал общаться с людьми. Специальные очки позволяли и как-то видеть. Собеседницей Александра Яковлевна оказалась чудесной — она мгновенно вникала в суть того, о чем ей рассказывали. Я объяснила ей, что я дочь врача, который начал работать в Вильно в 1922 г. и был дружен (а кто не был дружен?) с Я. С. Выгодским, и тут же была принята как родная. К тому же я рассказала, что, лишь бросив взгляд на ее портрет, мой отец сразу сказал, чья она дочь. В 1962 г. я снова посетила Александру Яковлевну. Встречу мне назначила не она сама, а кто-то из домашних. Не совсем уловив, кто же должен к ней прийти, Александра Яковлевна, стоило ей только взглянуть на меня через толстые стекла очков, точчас же сказала «А, это ваш папа сказал, что я похожа на своего отца!..» Итак, судьба подарила мне две встречи с замечательной писательницей и прекрасным человеком. В 1956 г. мы обсуждали с ней перемены, которые начали происходить в жизни и литературе. Больше всего моя знаменитая собеседница говорила о книгах Павла Нилина «Жестокость» и «Испытательный срок». Она подчеркивала глубину и *искренность* этих повестей, горячо советовала мне как можно скорее их прочитать. Но о чем бы ни говорила в тот вечер пожилая женщина, она все возвращалась к своим родителям: «Ну почему, почему, побывав весной 1941 г. в Вильносе, я не забрала их в Москву?! Кто мог знать, что все сложится так страшно?» Как в 1956, так и в 1962 г. наши беседы длились допоздна — оба раза я убежала к последнему поезду метро. В 1962 г. Александра Яковлевна сказала мне: «Я живу ради сына, — сын писательницы перенес несколько сердечных приступов, — хорошо, что я могу его поддерживать материально». В 1962 г. мы говорили и о повести А. Я. Бруштейн «Простая операция». Скромный рассказ о том, как молодую женщину излечили от катаракты, редактор «Нового мира» счел вполне уместным поместить рядом с эпохальным произведением Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (1962 г.). Очевидно, Александр Твардовский оценил по достоинству искренность, точность и мастерство рассказа о добрых и умелых людях — то, что составляет своеобразие прозы Александры Бруштейн. В тот же вечер Александра Яковлевна со свойственным ей юмором и оптимизмом рассказала, как сломала руку: «Со мной приключился «бенефис клоуна Жожо»: я упала в люк центрального отопления. Это было на даче!..» Во время этой беседы та, что некогда была Сашенькой Выгодской, все высказывала сожаление, что в юности не понимала, сколь красив Вильнос. Слишком рано покинула она этот прекрасный город... Мы перепытались до самой кончины А. Я. Бруштейн. А когда в 1972 г. я с семьей репатрировалась в Израиль, то из Советского Союза нельзя было вывозить письма, рукописи — в общем, неопубликованное... На несколько работ членов

семьи — дипломные, кандидатскую и докторскую диссертации исхлопотали разрешение, но семейный архив пришлось сжечь. Очень его жаль! Книги же, подаренные Александрой Яковлевной, не только бережно храню, но и перечитываю. В Израиле трилогия «Дорога уходит в даль...» в 1985 г. была издана на иврите в сокращенном переводе Давиды Кроль.

- ¹⁸ Наиболее подробная из известных мне биографий Я. Выгодского имеется в упомянутой книге М. Дворжецкого. В ней приведено и последнее напутствие мудрого доктора, данное им в июне 1941 г., перед нападением нацистской Германии на СССР. На этот раз «вечный оптимист» был очень озабочен: «Темные тучи заволокли небо», — сказал он М. Дворжецкому, встретив его в уютном скверике, где любил отдыхать. «Дитя мое, — так он обращался ко всем как бывшим, так и настоящим студентам-евреям, — грядут тяжелые времена! Скажи, ты будешь помнить нашу науку?!» И, словно видя вокруг себя необозримую публику, он повторил свой вопрос в пространство: «Дети, вы будете помнить наше учение?» (Дворжецкий М. Указ. соч. С. 45—46).